

Оглавление

Глава 1.....	5
Глава 2.....	12
Глава 3.....	19
Глава 4.....	28
Глава 5.....	32
Глава 6.....	39
Глава 7.....	43
Глава 8.....	50
Глава 9.....	54
Глава 10.....	61
Глава 11.....	67
Глава 12.....	72
Глава 13.....	76
Глава 14.....	79
Глава 15.....	83
Глава 16.....	88
Глава 17.....	92
Глава 18.....	98
Глава 19.....	106
Глава 20.....	110
Глава 21.....	116
Глава 22.....	122
Глава 23.....	128
Глава 24.....	133
Глава 25.....	138
Глава 26.....	142
Глава 27.....	149
Глава 28.....	155
Глава 29.....	160
Глава 30.....	165
Глава 31.....	172
Глава 32.....	179

Глава 33.....	186
Глава 34.....	191
Глава 35.....	197
Глава 36.....	205
Глава 37.....	212
Глава 38.....	217
Глава 39.....	224
Глава 40.....	228
Глава 41.....	234
Глава 42.....	241
Глава 43.....	249
Глава 44.....	256
Глава 45.....	264
Глава 46.....	272
Глава 47.....	276
Глава 48.....	282
Глава 49.....	287
Глава 50.....	293
Глава 51.....	298
Глава 52.....	301
Глава 53.....	308
Глава 54.....	314
Глава 55.....	318
Глава 56.....	322
Глава 57.....	328
Глава 58.....	331
Глава 59.....	335
Глава 60.....	337
Глава 61.....	342
Глава 62.....	346
Глава 63.....	352
Эпилог.....	356

Москва 1979

Глава 1

Дежурную оперативную группу КГБ вызвали на место происшествия в воскресенье в начале одиннадцатого ночи. Клубился туман, моросил дождь. Машина прибыла через полчаса, остановилась на обочине, осветив фарами милицейский «Уазик», машину «Скорой помощи», покосившийся штакетник забора. С этой стороны дороги – старые дома, уже назначенные под снос, с другой стороны подступили новостройки. Из темноты слышен стук колес товарняка и короткий гудок электрички, отсюда пешком до станции Лосиноостровская, – всего минут десять, не больше.

Приземистый деревянный дом с застекленной верандой стоял в глубине участка, за старой яблоней, все окна освещены, занавески задернуты. Из машины вышел капитан госбезопасности Иван Лебедев и молодой лейтенант. По узкой тропинке прошел к дому, поднялся на крыльцо, предъявил служебное удостоверение милиционерам. Тут на порог выскочил старший следователь районного управления внутренних дел майор милиции Сергей Стеклов, невысокий средних лет человек в форме. Заметно волнуясь, скороговоркой он выпалил, что он тут старший, и в КГБ звонил он.

Стеклов провел контрразведчиков на кухню, где, пристроившись за столом, один милиционер составлял протокол осмотра места происшествия, другой сидел рядом и что-то негромко говорил, в углу курил пожилой дядька в синем халате и очках, державшихся на кончике носа, – судебный эксперт. При появлении офицеров КГБ вся замолчала и уставилась на Лебедева. Стеклов решил, что тут говорить неудобно, – слишком много людей, – и потащил контрразведчиков дальше, через гостиную в одну из спален.

Он плотно прикрыл дверь, встал под люстрой, решая, с чего начать. Стеклов был не мастак складно говорить, но ремесло сыщика знал. Комната была не слишком велика, обставле-

на импортной мебелью, которую просто так в магазине не купишь: полированные румынские шкафы под старину, инкрустированные блестящими полосками латуни, комод, столик с зеркалом, широченная кровать, занимавшая половину комнатного пространства. Поперек кровати на боку лежала женщина в коротком сиреневом халатике из искусственного шелка, вьющиеся каштановые волосы растрепались и спутались. Ноги стройные загорелые, женщина уткнулась в скотканную простыню, покрытую бордовыми пятнами, согнула ноги, прижала окровавленные ладони к животу. Лебедев оторвал взгляд от мертвой женщины и закурил.

– Инга Белова, была скупщицей краденого, – негромко сказал Стеклов. – Тридцать шесть лет, дважды судима. Судя по температуре тела, смерть наступила приблизительно шесть часов назад от множественных ножевых ранений и потери крови, – это мнение эксперта-криминалиста. Орудие убийства, кухонный нож, найден под кроватью. Соседи опрошены. Картина в общем и целом ясная. У Беловой был сожитель, некий Иван Бедун, который отбывал срок за кражу. Освободился две недели назад и вот нагрязнул. Он ей с зоны писал, чтобы ни-ни... Но Белова женщина интересная, отзывчивая на ласку...

– Ну, майор, давайте без лирики... Какое отношение эта баба, покойная, имеет к нам, Комитету государственной безопасности?

Стеклов вытащил из шкафа и поставил на пол спортивную сумку, темно синюю из плотной ткани на молнии, с пристяжным кожаным ремешком.

– Внутри в отдельном кармашке четыре кассеты с фотопленками, – Стеклов вытащил их и расставил на комод. – У милиции есть инструкция. Если на месте происшествия найдены какие-то вещи, которые... Словом, мы нашли эту сумку с иностранными вещами. Документов нет. Но в сумке кассеты с негативами, уже проявленными. Я одну открыл,

посмотрел на свет, там какие-то чертежи или схемы. Думаю, иностранца обворовали, вещи принесли покойной Беловой, на продажу. Может, напрасно я вам позвонил, но...

– Вы правильно поступили, товарищ майор. Где негативы? Какую кассету вы открывали?

Лебедев снял крышку с кассеты. Внутри две пленки с проявленными негативами, скрученными в рулончики, тридцать шесть кадров в каждом. Он долго смотрел негативы на свет. Понять, что изображено, – непросто. Какие-то чертежи, но что за чертежи... Пленка бытовая, отечественного производства, такой шпионы не пользуются. Затем он вытащил из сумки вещи, разложил их на спинке кровати. Несколько рубашек, все фирменные, почти новые. Три пары летних брюк, в отдельном пакете белье, ботинки из плетеной кожи. Видно, что вещи дорогие. Молодой лейтенант, не проронивший ни единого слова, стоял возле двери и хмурился.

– До утра составьте протокол изъятия на носильные вещи и негативы, – приказал капитан Лебедев. – Как только оформите документы, позвоните дежурному КГБ по городу. За бумагами и вещами приедет наш человек.

Контрразведчик подумал, что иностранный шпион не станет таскать в сумке с носильными вещами что-то важное. Скорее всего – пленки с чертежами, просто недоразумение, имеющее простое логическое объяснение. Он выкурил еще одну сигарету, осмотрел комнату, бегло, без видимого интереса, задал несколько уточняющих вопросов и сказал, что они с лейтенантом уезжают.

* * *

Вещи, изъятые в доме покойной Инги Беловой, сутки находились в распоряжении сотрудников управления КГБ по Москве и Московской области. Рапорт капитана Лебедева о сумке с вещами и негативах прочитал начальник управления генерал-лейтенант Сергей Иванович Лидин. На первый

взгляд, происшествие не заслуживало внимания чекистов, но интуиция контрразведчика подсказывала, что за бытовым убийством и этими странными находками может скрываться нечто более серьезное. Лидин приказал немедленно забрать все следственные материалы из милиции и разобраться в этой истории своими силами.

За следующие сутки оперативники КГБ успели опросить сотрудников гостиниц, навести справки в Главном управлении внутренних дел Москвы и выяснили, что за последние две недели краж личных вещей у иностранцев не было зарегистрировано. Мало того, в отношении иностранцев в Москве вообще не было зарегистрировано ни одного противоправного действия. Но откуда тогда взялась эта сумка, набитая фирменными вещами... Одежда дорогая, известных производителей, в основном американских. Может быть, надо пойти другим путем, допустить, что вещи принадлежали гражданину СССР. Он бывал по службе за границей, в капиталистических странах, точнее в США.

Однако советский человек, побывавший в Соединенных Штатах, вряд ли наберет денег на столь дорогие покупки, и уж точно не станет сорить валютой, покупая семь пар очень шелковых трусов, – за эти деньги можно взять пару джинсов и рубашку в придачу. Нет, наш человек расчетлив в тратах, у него нет денег на глупости, – трусы, которые по советским меркам, стоят целое состояние. Сумка принадлежала иностранцу, – из этого надо исходить, в этом направлении копать. Но почему обворованный или ограбленный иностранец не заявил в милицию?

Кассеты с негативами ушли в техническое управление КГБ, в сопроводительном письме перед экспертами поставили ряд вопросов, первый из них: что это за чертежи? Утром четвертого дня эксперты представили свое заключение. Бумага была составлена в одном экземпляре, получила гриф «совершенно секретно», она не попала в управление по Москве и Московс-

кой области, а легла на стол Председателя КГБ Юрия Владимировича Андропова. Уже через два часа в кабинете прошло совещание, на которое пригласили всего несколько человек.

Андропов поднялся из кресла и коротко сообщил, что в сумке с вещами, предположительно, похищенной у неизвестного иностранца, обнаружены четыре кассеты с негативной фото пленкой. В каждой кассете две пленки по тридцать шесть кадров каждая. На негативах особо секретные объекты проекта 941, святая святых советского военно-морского флота, новейшего стратегического атомного подводного крейсера типа «Акула», по западной классификации – «Тайфун».

Первая лодка этой серии должна сойти со стапелей в Северодвинске в следующем году, можно не стесняться высоких слов, и сказать ясно и твердо, это совершенно уникальная, самая большая в мире подводная лодка, которая кардинальным образом изменит соотношение сил между флотом СССР и США, а также соотношение ядерных вооружений во всем мире. Американцы, насколько нам известно, давно пытаются подобраться поближе к этой разработке, но тщетно. Они получили лишь некоторые самые общие сведения о «Тайфуне», – но и эта общая поверхностная информация привела их в состояния паники.

Повисло молчание. Андропов сел и попросил заместителя начальника оперативно-технического управления генерала Феликса Зуева, владеющего темой, дополнить рассказ. Зуев сказал, что лодка не знает аналогов, длина 170 метров, ширина около 24-х, она имеет два прочных корпуса, соединенных тремя переходами. Экипаж – сто пятьдесят человек. Лодка вооружена в общей сложности тридцатью противолодочными и противокорабельными торпедами. Но главное – двадцатью первыми советскими межконтинентальными ракетами морского базирования на твердом топливе Р-39 «Вариант» или СС-Н-20 по классификации НАТО, разработанными в КБ «Машиностроение» под руководством академика Виктора Петровича Макеева.

Пусковые шахты находятся между двух корпусов лодки перед рубкой. Каждая ракета имеет двадцать метров в длину и два метра в диаметре, весит 90 тонн, трехступенчатая, с шестью – десятью разделяющимися боеголовками индивидуального наведения мощностью до 500-сот килотонн в тротиловом эквиваленте. Дальность – около девяти тысяч километров. Одна такая боеголовка превратит в пыль, например, Нью-Йорк. В лодке воплощены самые передовые разработки нашего времени. Теперь нет необходимости, соблюдая режим тишины, подходить к территории вероятного противника, чтобы нанести разящий удар. Выпуская ракеты практически из любой точки мирового океана, «Тайфун» полностью покрывает всю территорию США.

Ракетносец способен, например, пробить льды на Северном полюсе и всплыть, или из подводного положения выпустить двадцать ракет и стереть с лица земли все крупнейшие города США. А затем уйти на глубину до шестисот метров. На фотонегативах представлены чертежи атомного реактора, – на лодке таких два, – а также паровых турбин и другого оборудования лодки, в том числе шахт баллистических ракет, схем электрических приборов и кое-что еще. Фотографии сделаны на бытовую пленку, предположительно советскую. Это пока все.

Андропов сказал, что вынужден будет доложить о случившемся на самый верх, лично Леониду Ильичу Брежневу. Скрывать такой провал у него нет права. Нужно думать, как исправить положение. Немедленно, не теряя ни минуты, надо создать оперативную группу из лучших чекистов, и поставить задачу. Первое – выяснить личность хозяина вещей. Наверняка он уже покинул СССР, но любая информация о нем очень важна. Второе, – установить личность человека, сделавшего фотографии и передавшего или продавшего их иностранцу.

Круг лиц, имеющих доступ к чертежам лодки, весьма ограничен, они живут, как правило, в закрытых городах, если едут в Москву или в отпуска, находятся под опекой контрразвед-

чиков, контактов с иностранцами, общения с незнакомцами – лишены. Впрочем, еще не факт, что один и тот же человек пользовался доступом к чертежам и продает военные тайны иностранцам. Скорее, наоборот, это разные люди. Но строить предположения – дело неблагодарное. На все вопросы должно дать ответы начатое расследование. Поиски необходимо проводить в режиме строгой секретности, – это одно из важнейших условий успеха.

Во избежание хоть какой-то утечки информации целесообразно не создавать следственную группу, а поручить дело опытному оперативнику, наделив его самыми широкими правами и полномочиями. Встал вопрос о чекистах, которые могли бы провести такую операцию. Начальник Второго главного управления КГБ СССР генерал-лейтенант Григорий Федорович Григоренко сказал, что в его управлении контрразведки много достойных людей, которые справятся с задачей, – в этом нет сомнения. Но он хотел бы предложить кандидатуру майора контрразведки Алексея Гончара, за этого человека готов поручиться.

– Почему именно он? – спросил Андропов.

– Гончар – человек еще молодой, – ему только исполнилось сорок два, – но оперативник с большим опытом, – ответил Григорий Федорович. – Он хорошо проявил себя в операции по выявлению двух физиков, завербованных американцами на международной конференции в Стокгольме. Правда, с сегодняшнего дня в отпуске, я сам приказ подписывал, но... Придется ему задержаться. Разумеется, Гончар получит все, что ему потребуется для дела. Связь, людей, допуск к любым, – самым секретным, – документам.

Андропов ответил, что Гончара он хорошо помнит, по кандидатуре замечаний нет. И еще: информацию по расследованию докладывать ежедневно во второй половине дня. Теперь он хотел бы увидеться с Алексеем Гончаром с глазу на глаз и переговорить.

Глава 2

Утром московскому корреспонденту газеты «Лос-Анджелес таймс» Полу Моррису позвонили из американского посольства и попросили зайти сегодня вечером, якобы на его имя пришла посылка, надо ее срочно забрать. Пол немного удивился, он не ждал никакой посылки, но вопросы задавать не стал, решив, – кто-то из посольства хочет с ним поговорить, но не по телефону, который слушает КГБ, а с глазу на глаз. Он побродил по квартире, выпил кофе на кухне, надел спортивный пиджак, темно-зеленый в черную клетку, и бежевые брюки.

Это был сорокалетний сухощавый мужчина с каштановыми вьющимися волосами, последние два года он состоял в разводе, одевался элегантно, интересовался живописью и пользовался успехом у женщин. От проспекта Мира, где находился корреспондентский пункт, до посольства на машине всего полчаса езды. Пол спустился в тесный двор, сел в машину. «Шевроле», цвета голубой металлик, притягивал взгляды всех автомобилистов и прохожих, – американских машин на всю Москву всего десятка три-четыре.

В посольстве его встретил плотный человек с бритой наголо круглой головой и в очках. Он представился третьим секретарем Фрэнком Фелтоном, сказал, что он в Москве недавно, поэтому с Полом еще не успел познакомиться, хотя слышал о нем как о журналисте много добрых слов. Говорят, что у Пола острое перо, у него безупречная репутация в журналистских кругах и много врагов, но друзей все-таки больше. Фелтон предложил спуститься в подвал, в комнату для конфиденциальных разговоров, защищенную от прослушки.

Из мебели здесь был только длинный стол и несколько стульев. Портфель с бумагами и диктофоном, который Пол всегда таскал с собой, пришлось оставить за дверь. Фелтон сказал, что во время разговора будет присутствовать помощник консула некто Винсент Дорман, тут появился бесцветный

блондин среднего роста лет сорока пяти, одетый в синий пиджак с блестящими пуговицами и яркий галстук. Он тепло улыбнулся, сказал, что для друзей он просто Винс, кстати, они уже встречались на посольских вечеринках, болтали об изящных пустяках, например, о русской авангардной живописи, даже выпивали. Возможно, на тех вечеринках выпито было слишком много, – Пол Моррис не смог вспомнить этого человека. Однако спорить не стал, сел за стол и оглядел голые стены, выкрашенные в бледно желтый цвет.

Винс принес кофе, закрыл дверь, сел в дальнем углу и стал листать какое-то толстое досье. Напротив Пола устроился и Фелтон, он пил кофе из большого бумажного стакана и вертел в руках карандаш.

– Небольшая просьба: содержание разговора не должно выйти за пределы этой комнаты, – сказал Фелтон. – Вы не против?

– Нет, разумеется.

– Я никогда не вел такие беседы с журналистами, опыта мало, – сказал Фелтон. – Чувствую, что получится не совсем гладко. Собственно, мы хотим попросить об услуге. Вы, разумеется, в курсе, что некоторые сотрудники посольства или консульства время от времени выполняют какие-то разовые поручения ЦРУ. Ну, скажем, надо что-то сказать нашим русским друзьям, что-то передать. Деньги, например. Или какие-то вещи. Нет, эти люди не профессиональные разведчики, они даже не получают вознаграждения за свою работу. Для такой практики есть свои причины. Все или почти все штатные сотрудники нашей разведки поименно известны русским. Поэтому, чтобы вывести их из-под удара, мы просим далеких от разведки людей что-то сделать для нас... Ничего опасного. Ничего криминального. Все в рамках закона. Ну, вы понимаете...

Фелтон стал разжевывать эту простенькую мысль. Подбирая слова, он щелкал пальцами, видимо, и вправду разговор

давался ему непросто. Он объяснил, что сотрудничество с разведкой долг каждого патриота, особенно в наше время, когда холодная война может запросто превратиться в войну реальную, в глобальный ядерный конфликт, который положит конец человеческой цивилизации. Фелтон человек практический, он не привык прятаться за общими фразами и рассуждениями, поэтому будет предельно откровенен: ему нужно знать, готов ли Пол изредка передавать при встречах или по телефону кое-какую информацию одному хорошему человеку, гражданину СССР.

Пол, перешагнув порог этой комнаты, уже догадался, о чем пойдет речь. Он ответил, что дорабатывает в Советском Союзе последние месяцы, в начале следующего 1980-го года он должен вернуться в США, поэтому для длительного сотрудничества с разведкой не подходит. У него нет опыта подобной деятельности, человек он рассеянный, память иной раз подводит. Фелтон был готов к возражениям. Он сказал, что тут специальных навыков не требуется, а сотрудничество не растянется на годы. Это всего лишь несколько поручений, которые на самом деле очень просты: передал кое-что на словах – и все.

Пол покачал головой, – он журналист, и сотрудничество с разведкой, даже разовое, – это против его принципов и убеждений. Фелтон сказал, что о принципах люди вспоминают, – не в обиду будет сказано, – когда это выгодно. И забывают принципы, когда выгодно. Но здесь разговор откровенный, надо сказать, что Пол живет и работает в Москве уже семь лет. По случаю он покупал картины мастеров русского авангарда, брал за сущие гроши. Затем, пользуясь расположением одного из сотрудников посольства, вывозил картины без таможенного досмотра, пользуясь дипломатическими каналами. Если называть вещи своими именами – это контрабанда. Сейчас у Пола в Москве еще добрых два десятка картин. И он ждет удобной оказии, чтобы вывезти их из СССР,

однако сделать это будет затруднительно. Дипломат, друг Пола, срочно покидает Россию. Фелтон улыбнулся и сказал, что дружба с разведкой полезная штука. И, если эта дружба как-то наладится, – картины можно будет переправить в Лос-Анджелес в любое время.

– Слушайте, я не скупал эти картины, как вы говорите, по дешевке, – сказал Пол. – Я давал цену, которую просили законные владельцы картин. Я ничего не украл, никого не обманул. Мне называли цену, и я...

– Вывоз антикварных ценностей без ведома и без разрешения государства – это контрабанда, – это Винсент Дорман подал голос из своего темного угла. – Даже если вы пользуетесь услугами знакомого дипломата, багаж которого таможенники не имеют права досматривать. И вы все это прекрасно знаете.

– По-вашему, будет лучше, если эти картины сгниют где-нибудь на чердаке?

– Лучше перепродать их в Лос-Анджелесе и неплохо заработать. Чем вы и занимаетесь.

– Все коллекционеры продают и покупают картины.

Теперь слово взял Фелтон.

– Коммунисты знают о вашем хобби. Но вам не мешают. Как думаете, почему?

– А черт их разберет.

– Давайте кое-что вспомним, – Фелтон продолжал улыбаться. – Два года назад вы пережили процедуру развода. Понесли большие финансовые издержки. Раздел имущества, алименты... Но и после развода вы продолжаете жить на широкую ногу, не ограничили себя в расходах. Это наводит на размышления. Откуда столько денег?

– Источники моих доходов раскрыты в декларации о доходах. Я продал кое-что из своей коллекции. Немного заработал.

– Возможно, – улыбнулся Фелтон. – За те же два года вы опубликовали двенадцать больших статей об СССР, вы отзы-

ваетесь о стране советов весьма позитивно. Можно сделать вывод, что ваши симпатии к коммунистам – не бескорыстны. Я ничего не утверждаю, мало того, я уверен, что вы честный человек. И ваша дружба с коммунистами не основана на материальном интересе. Но факты... Жизнь такая штука: достаточно посеять зерно сомнения – и все. Репутация человека уничтожена навсегда.

– Вы способны на такую подлость? – спросил Пол, чувствуя, как дрожит его голос.

– Не я. Скажем так: у вас есть недоброжелатели. И это влиятельные люди. Но мы, хорошие парни, защитим ваши интересы. Если вы сделаете шаг навстречу.

Поднялся Винсент Дорман, он сказал, что принесет кофе и еще кое-что пожевать, разговор, видимо, будут долгим. Он быстро вернулся поставил на стол тарелку с бутербродами и кофейник. И снова занял место в темном углу, но к папке с бумагами больше не притронулся.

Пол потер лоб ладонью и спросил:

– Кто этот человек? Ну, которому надо что-то передавать?

– Если я назову имя, обратной дороги для вас уже не будет, – ответил Фелтон. – Вы уже не сможете сказать «нет».

– Вы дадите мне время, чтобы подумать? Хотя бы пару дней?

– Вы должны принять решение здесь и сейчас.

Пол кивнул и прикурил сигарету.

– Хорошо. Я передам вашему человеку все, что надо.

Фелтон положил на стол фотографию красивого темноволосяного мужчины.

– Вы должны помнить этого парня. Борис Зотов. Без преувеличения – это уникальный источник информации. Занимает ответственный пост в Центральном комитете комсомола. Вы с ним встречались на разных вечеринках. Последний раз – на приеме в честь открытия иностранной выставки в Пушкинском музее. Вспомнили?

– Да, теперь вспомнил. Я лучше знаком с его женой Галей. Она искусствовед, ее конек – русское изобразительное искусство первой половины двадцатого века. Я ее прошу посмотреть на картины, которые собираюсь купить. Я немного разбираюсь в живописи, но Галя – профессионал. Мы просто друзья.

– Галя не просто привлекательная женщина. Она дочь кандидата в члены Политбюро члена ЦК Дмитрия Шубина. Нет, она не сотрудничает с нами... Но ее муж, Борис, он наш человек. На дипломатическом приеме около двух лет назад помощник посла получил записку от одного русского, который знал много интересного и хотел поделиться информацией. Сначала мы не поверили в удачу, решили, что это провокация КГБ. И упустили много времени. Позднее мы убедились, что Борис искренний человек.

– Я должен знать еще кое-что. Почему этот человек, успешный в жизни, пошел на сотрудничество с американской разведкой? Чего ему в жизни не хватает, денег?

– Деньги тут не главное. Он ненавидит коммунистов. И действует скорее из гуманистических идейных соображений. Он считает, что коммунистический строй обречен. Разно или поздно СССР развалится, этот распад может превратиться в катастрофу глобального масштаба. Под своими руинами этот исполин погребет не только русский народ, но и все человечество. СССР запросто может начать ядерную войну, использовать свой последний шанс... И если силе коммунистов не противопоставить другую силу, война почти неизбежна. Позднее у Бориса появился и личный мотив. Его сестра Полина заболела раком крови. Эта форма рака поддается лечению. Болезнь прогрессирует не слишком быстро. Нужна операция по пересадке костного мозга. Но в СССР этого не делают. Такие операции в Америке еще не часто проводят. Сложная процедура... Он просит, чтобы мы вытащили его сестру. И позаботились о ней.

– И до сих пор вы ничего не сделали?

– Мы пытались, но... Полина получила американский паспорт на имя жены одного из секретарей нашего посольства. Эти женщины внешне очень похожи. Кроме того, Полина умеет держаться, знает английский. Мы доставили ее на территорию посольства. На имя жены нашего дипломата купили билет на поезд Москва – Париж с пересадкой в Варшаве. Собрали чемоданы. Посольская машина довезла ее до Киевского вокзала, провожал якобы муж, ну, наш дипломат. Весьма убедительная инсценировка. Жена дипломата едет в отпуск в Европу, обычное дело. Но на подъезде к Калуге ей стало плохо. Полину сняли с поезда, на машине «скорой» довезли до больницы. Дежурный врач по ее просьбе позвонил в посольство. Примчался наш человек и забрал Полину. Пригрозив скандалом, буквально вырвал у врачей еще до того, как в больницу нагрянули оперативники КГБ. Чудо, что Полину удалось вытащить. Иначе... Об этом подумать страшно. Теперь надо выждать время. Мы не можем снова рисковать.

– Почему вы решили обратиться ко мне?

– Недавно в Москву приезжал наш разведчик. Он забрал у Бориса пленки, негативы важных документов. Но, так глупо получилось, – в гостиничном номере сумку с вещами украла какая-то местная потаскушка. Она наверняка выбросила негативы, даже не взглянув на них. Зачем они ей... Поэтому никакой опасности для Бориса нет. Однако эта история стала горьким уроком. И мы обязаны, как говорить, сделать выводы. Нужна надежная связь с Борисом. Нужен человек, который входит в его окружение и не вызывает изжогу у КГБ. Выбор невелик. Вы подходите лучше других. В КГБ точно знают, что вы не американский шпион. По их понятиям – вы либеральный интеллигент с левыми взглядами, который неплохо относится к советской власти. Вы не лезете в политику, увлечены собирательством живописи. И КГБ вам не мешает, как бы в обмен на вашу лояльность...

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru